

Краткое содержание:

Их будущее неизвестно, но они сделают его блестящим.

С бурлящей, кувыркающейся, яркой и радостной энергией, кружащейся вокруг него, Вэй Усянь может только предполагать, что он бессознательно нашёл свой путь в Слияние, связывающее его с Лань Чжанем, а Лань Чжаня — с ним.

Слияние.

Он едва ли даже слышал о таком. Так, мимолётное упоминание в некоторых учебниках по истории, которые он пролистывал во время уроков, да сюжетные линии в фантастических любовных романах Не-сюна. Что-то нереальное, для мягкосердечных романтиков, дабы подстегнуть полёт их фантазии.

Вэй Усянь всегда предпочитал более реалистичные и сложные истории, недозволенные рисунки, спрятанные между текстом, которые поначалу повергали его в шок.

И вот теперь он сам оказался главным героем фантастической сказки о родственных душах...

Он даже не понимает, с чего начать. Всё, что он знает, это то, что здесь, в сердце их объединённых сил, он чувствует себя целым.

На мгновение этого достаточно, чтобы он смог успокоиться, расслабиться в чувстве покоя и удовлетворённости, прежде чем реальность того, что именно привело его сюда, с рёвом возвращается обратно.

И возвращается страх.

Вэй Усянь очень мало знает о Слиянии, только о его склонности вызывать катастрофы везде, куда бы ни пошла Пара.

Столкнувшись в своё время с одним из фантастических романов Не Хуайсана, он отмахнулся от него, сочтя всё написанное литературным приёмом, и высмеял его нереалистичную нелепость.

Теперь же, когда он сам оказался частью этого сюжета, реальность душит страхом, калеча его самоощущение и посылая его эмоции в крутящуюся спираль замешательства и паники.

Всё, что он делает сейчас, это пытается понять, как новая реальность повлияет на тех, кто его

окружает? Кому он может причинить боль из-за того, что не в силах контролировать свои эмоции?

Не причинит ли он, в конце концов, вред Лань Чжаню?

Смутная мысль об этом — нелогична, часть его это понимает. Слияние настолько же принадлежит Лань Чжаню, насколько и ему, и не может причинить Лань Чжаню больше вреда, чем ему. Но эта мысль посылает волну паники и сомнения, проходящую через Слияние, через него.

Вокруг него бурлит и взбрыкивает энергия, подпитывая страх и сомнение и заставляя их взлетать всё выше, пока не превращает некогда спокойное и мирное пространство в море панического хаоса.

«Всё, к чему я прикасаюсь, я уничтожаю. Даже это. Всё, что я могу делать, это уничтожать».

Вэй Усянь погружается в страх с оттенком горя.

И тогда тёплая, успокаивающая безмятежность проникает под волны корчащегося страха и душит этот страх в собственнической привязанности.

«Это мы. Вэй Ин не может уничтожить нас».

Уверенность, глубокая вера, звучащая в этих словах, заставила бы Вэй Усяня всхлипнуть, если бы проекция души могла плакать.

«Лань Чжань... как я могу...»

Свирепый и решительный Лань Ванцзи прерывает его, преодолевая неуверенность Вэй Усяня в себе.

«Мы!»

Он резонирует в пространстве Слияния, заглушая ненависть к себе, в которой барахтается Вэй Усянь.

«Но, Лань Чжань, моё ядро — это энергия обиды... Это... я больше не...»

«Ты — мой, как и я — твой. Это наше Слияние. Наши ядра будут едины».

И в подтверждение своих слов, Лань Ванцзи сжимает их объединённую мощь с железной

хваткой внутренней силы, обволакивает её Вэй Усяня и душит своего партнёра в Слиянии их ядер, подчёркивая их единство.

И всё это великолепное безумие пронизывает несокрушимое присутствие глубокого собственнического желания Лань Ванцзи. Оно обвивает Вэй Усяня, словно спасательный круг утопающего, и звенит в его сознании, как сирена, дарующая ориентир заблудившемуся во тьме.

Вэй Усянь позволяет своему «я» раствориться в потоке эмоций Лань Ванцзи, в чистом желании, стремящемся поглотить его тревогу, панику и страх. Лань Ванцзи хочет его, хочет его всего!

До этого, до того, как они узнали о Слиянии, но после того, как Лань Ванцзи поцеловал его, в течение тех диких, бурных дней и недель, проведённых привязанными друг к другу, он надеялся, что Лань Чжань хотел его так же сильно, как сам Вэй Усянь. Он цеплялся за любой признак того, что Лань Чжань предъявляет на него права. Он хотел быть желанным, востребованным. Он был одержим этим человеком, который очаровывал его, восхищал его. Раньше Вэй Усянь не понимал, отчего при взгляде на Лань Ванцзи его сердце колотится в горле так, словно пытается набить там татуировку, словно пытается дать выход какой-то неосознанной им потребности.

Теперь же, когда в душе Вэй Усяня расцветает непреодолимое собственническое желание Лань Ванцзи, он не боится, что терзающие его тревоги улетучатся.

«Я принадлежу Лань Чжаню. Лань Чжань хочет всё, что я есть».

«Вэй Ин мой. Весь Вэй Ин принадлежит мне».

Может быть, если бы Лань Чжаня заставили произнести эти слова в отсутствии связи между ними, они бы застряли у него в горле и умерли бы на языке, а уши его пылали. Им никогда не позволили бы прозвучать, их скрыли бы за красивым, холодным лицом. Возможно их смысл можно было бы угадать за крохотными, микроскопическими изменениями мимики, но они никогда не были бы сказаны.

Но здесь, в уединении их душ, где они ничего не могли скрыть друг от друга, с трудом завоеванное самообладание Лань Ванцзи было подобно туману на солнечном свету.

Вэй Усянь тонет — дышит - живёт...

Лань Ванцзи требует - обладает - жаждет...

«Лань Чжань... Мой Лань Чжань... Именно так, — мельком подумал Вэй Усянь, когда поток желания и привязанности наполнил Слияние после его заявления. — Мой, а я — твой».

«Я - твой, ты - мой. Мы!»

Страх по-прежнему здесь. Он всё ещё несёт в себе оттенки беспокойства и паники, которыми был наполнен весь мир Вэй Усяня в течение трёх месяцев. Он провёл в этом кошмаре — самом близком воплощении Подземного мира, которое когда-либо видели живые - целых три месяца. Но теперь он стал мягче, края сглажены и успокоились.

И Вэй Усянь просто позволяет этому быть. Страх - не то, от чего нужно прятаться или о чём стоит волноваться, он знал это уже много лет, и хотя это было лёгким прибежищем, когда он был подавлен, в жизни есть намного больше причин для существования, чем постоянный тук-тук-тук страха в венах.

Нет, есть лучшие эмоции, которыми можно наполнить себя, лучшие причины, чтобы позволить своей крови бежать быстрее, своему сердцу - колотиться сильнее, а разуму — очиститься от всего, кроме самых бесстыдных слов, которые он только мог придумать.

Вэй Усянь прижимается к возвышающемуся над ним Лань Ванцзи, погружается в его желание, доверие и непоколебимую уверенность в их будущем.

«Лань Чжань... мы можем это сделать».

От нерешительности не осталось и следа. Вместо этого слова произносятся благоговейно, с недоверием, но с силой.

«Мы можем, Вэй Ин».

Довольство сплетается сильнее, закручивается туже. Их всё ещё формирующееся Слияние издаёт яркую, радостную ноту, и с восстановлением спокойствия, с душой Вэй Усяня, выведенной из омута паники, успокоенной и поддержанной его партнёром, их сознательные «я» восстанавливают контроль, и двое мягко моргают, возвращаясь в реальный мир.

* * *

Хотя о многом ещё предстояло поговорить, трое бодрствующих заклинателей, живших в Комнате Исцеления Лотоса, решили позволить этому разговору продолжиться позже, когда им будет гарантирована более высокая степень уединения (в конце концов, пусть Вэй Усянь и Лань Ванцзи всё ещё находились без сознания, они всё равно находились рядом). Вместо этого, позволив себе ещё немного погреться в мыслях о будущем, которое таило в себе мириады возможностей, каждая из которых казалась ярче другой, Вэнь Цин поставила перед собой несколько задач.

Привести в порядок Комнату Исцеляющего Лотоса. Убрать разбитые талисманы. Принести еду. В идеале именно в таком порядке.

К тому времени, когда солнце начало клониться к горизонту, а время ужина быстро приближалось, Пара всё ещё не проснулась, и Вэнь Цин вздохнула.

— На самом деле, это самые разочаровывающие пациенты, с которыми мне когда-либо приходилось иметь дело, — пробормотала она, накрывая их двоих лёгким одеялом.

— Они ещё сливаются, А-Цин. Если бы это было легко, я уверен, они не были бы таким редким явлением. — Лань Сичэнь налил целительнице чашку чая, приготовив что-то, что не было наполнено сумасшедшим количеством лекарственных трав, которые Вэнь Цин обычно добавляла в свои напитки. И она тихо ворчала себе под нос, даже когда брала чашку. — Мы должны признать, что многое будет необычным с их выздоровлением.

— Было бы полезно, если бы их Слияние не реагировало на каждый эмоциональный всплеск, — добавил Цзян Чэн, отрываясь от стопки документов. — Тогда бы мне не пришлось переделывать эти отчёты.

— А-Чэн... — Лань Сичэнь осёкся, когда воздух наполнился достаточной силой, чтобы остановить любого разумного заклинателя.

Слабо мерцающая сила, переполненная эмоциональным потоком Лань Ванцзи и Вэй Усяня, заставила лицо Лань Сичэня залиться румянцем.

Вэнь Цин поставила чашку с чаем, лишь слегка пролив содержимое.

— Я думаю... нам лучше поужинать где угодно, только не здесь, — сказала она, чувствуя, как перехватывает дыхание.

— Вэй Уся... — начал Цзян Чэн, и его глаза расширились от смущения, а щёки начали краснеть.

Лань Сичэнь с усилием подавил взволнованные, словно взбесившиеся эмоции, грозящие вылиться румянцем даже на руках.

— Ванцзи... я никогда... — Он покачал головой.

Судя по эмоциональному резонансу, наполнившему комнату, они точно знали, что происходит где-то глубоко внутри Слияния этих двоих. Голод, собственнический, пронизывающий насквозь объединяющуюся энергию, заполнял комнату, сочетаясь с благоговейным удивлением и покорностью — своей противоположностью.

— Я ухожу. Сейчас. — Цзян Чэн с покрасневшимся лицом и дикими глазами взглянул на Сичэня и Вэнь Цин, а потом стремительно выбежал за дверь на медленно угасающий солнечный свет.

Целительница встала, неторопливо собрала бумаги и кисти, а потом повернула раскрасневшееся лицо и бешеные, горящие возбуждением глаза остановились на Лань Сичэне.

— Твой брат... Я не ожидала от него такого, — сказала она с оттенком шока в голосе. — Как... вы, Лани... — Она покачала головой. — Неважно. Я ухожу, Сичэнь. Ты идёшь?

Вместо ответа Лань Сичэнь встал, возможно, слишком поспешно, и направился к двери, слегка споткнувшись на пороге, когда волна головокружения на мгновение помутила его зрение.

Он узнал больше, чем когда-либо хотел узнать о личной жизни своего младшего брата.

Когда он выходил, то оглянулся, чтобы убедиться, что Вэнь Цин идёт следом, и увидел, что между демоническим заклинателем и его братом образовалась толстая чёрно-синяя нить.

— А-Цин, — пробормотал он, широко раскрыв глаза. - Что это?

Целительница проследила за его пальцем и прикрыла глаза, разочарование и восхищение отразились на её лице.

— Они... настолько близки к завершению Слияния, насколько это возможно, на самом деле не заканчивая его, — пробормотала она. — Если это будет продолжаться с такой же интенсивностью, они могут фактически завершить своё Слияние, не делая... ничего. - Вэнь Цин закончила это утверждение слабым голосом, силой воли сдерживая предательский румянец. — И я, например, не хочу быть здесь, чтобы узнать, удастся ли им это таким образом или нет.

— Должны ли мы поставить защитные талисманы? — спросил Лань Сичэнь, колеблясь.

— Нет, лес за Комнатой Исцеляющего Лотоса выступит в качестве буфера и, вполне вероятно, предотвратит любое распространение энергии, если это будет необходимо, — возразила целительница. — А теперь пойдём.

Лань Сичэнь поспешно кивнул. Он тоже не хотел больше здесь задерживаться: с каждой секундой их пребывания в комнате, эмоции и желания всё сильнее сгущались в воздухе.

* * *

Реальный мир купался в сиянии заходящего солнца, свет растекался по высоким стенам, заставляя тени скользить по полу.

Энергии, наполнявшие воздух, звенели от переполнявшей их силы, но они были такой неотъемлемой частью их обоих, что Пара не замечала их присутствия.

Вэй Усянь свернулся калачиком, прислонившись к твёрдой груди Лань Ванцзи. Улыбка сама собой расплылась по его лицу, и он уткнулся лицом в изгиб шеи возлюбленного.

Он чувствовал себя вернувшимся домой.

— Лань Чжань, — пробормотал он. — Привет, Лань Чжань.

— Хм. - Голос завибрировал в груди Лань Ванцзи и коснулся Вэй Усяня.

— Мы... мы можем сделать это, Лань Чжань. Мы можем жить. - прошептал демонический заклинатель в точку пульса на шее возлюбленного. Пульс бил ровно, размеренно, убеждая его в том, что жизнь бурлит в теле его партнёра. Он прижался губами к пульсу, не совсем поцелуй, скорее приятное прикосновение губ к коже. — Вместе, Лань Чжань, мы сможем жить вместе.

— Вэй Ин. — Голос Лань Ванцзи звучал хрипло из-за того, что он долго был без сознания. Длинные пальцы запутались в волосах Вэй Усяня, потянули вверх, пока молодой человек не навис над Лань Ванцзи. Серебро встретилось с золотом. — Вэй Ин. — Мягкость прокатилась по его имени, лаская слог.

Вэй Усянь позволил своей руке прижаться к щеке Лань Ванцзи, кончики слегка испачканной бело-голубой ленты коснулись его губ.

— Мы, Лань Чжань. Всё, чем мы являемся, принадлежит нам. Мне, тебе, нам.

Золотые глаза просияли от удовольствия, в уголках появились морщинки.

— Да, Вэй Ин. — Лань Ванцзи обхватил запястье возлюбленного, на которое несколько месяцев назад повязал лобную ленту, и прижал пальцы к коже.

Он чувствовал удары сердца Вэй Усяня, чувствовал, как их силы текут по его меридианам, закручиваясь вместе, сливаясь в нечто новое, что свяжет их навсегда.

Пока они будут живы, он сможет смотреть в эти безумно живые серебряные глаза, восхищаться порочным умом, скрытым за этим бесхитростным лицом, слышать, как бесстыдные желания слетают с этих прекрасных губ, и чувствовать, как эта связь проносится через него, через них.

Этого слишком много и недостаточно одновременно, и Лань Ванцзи дёргает Вэй Усяня вниз, чтобы сблизить их рты, изливая в поцелуе каждую унцию своей отчаянной, собственнической потребности удержать, завладеть этим мужчиной. Он кусает губы Вэй Усяня, чтобы услышать

вздых шока и желания, погружается в теперь уже открытый рот напористо, с яростью, и Вэй Усянь хнычет, похоть и вожделение стремительно нарастают между ними.

Лань Ванцзи чувствует, как ногти Вэй Усяня впиваются в его руку и грудь, и ловит губами стон своего возлюбленного. Он приветствует метки, хочет их, нуждается в том, чтобы Вэй Ин оставил свои следы на его коже.

Если бы его тело подчинилось, он подмял бы Вэй Ина под себя, вдавил бы его в кровать и посмотрел, как долго продержатся их тела, как долго он сможет заставлять возлюбленного извиваться под ним. Сколько криков и бесстыдных слов он вытянул бы из этого замечательного, трогательного человека

Но, увы, он уже чувствует, как на него наваливается усталость, хотя он отважно борется с нею, отстраняясь от притягательного рта Вэй Ина, чтобы сосать и кусать его горло, достигая плавного изгиба, где великолепная шея возлюбленного встречается с его сильными, крепкими плечами. И он позволяет первобытной части своей сущности взять верх, позволяет своим зубам вонзиться в плоть, едва сдерживаясь, чтобы не прокусить кожу, просто чтобы услышать вздох боли-удовольствия, выплеснувшийся изо рта Вэй Ина, почувствовать судорожную хватку пальцев, шаривших по его спине-шее-голове.

— Лань Чжань... Твой рот... Я люблю твой рот, Лань Чжань... О, боги, я бы хотел, чтобы мы могли сделать нечто большее прямо сейчас, — рвано выдыхает Вэй Усянь, и Лань Ванцзи согласно вздыхает, посасывая метку, оставляя глубокий цветущий след поцелуя.

— Да, пожалуйста, Лань Чжань, отметь меня везде. Мне нужен твой рот. Иди сюда, Лань Чжань, позволь мне крепко тебя поцеловать, и мы сможем притвориться, что это нечто большее.

Бесстыдный лепет, вырвавшийся изо рта Вэй Ина, разжигает внутри Лань Ванцзи огонь, но его тело ещё слишком слабое, чтобы действовать, и он откидывается назад, притягивает возлюбленного к себе, краснея, от плеч до кончиков пальцев ног, и их очень заинтересованные в продолжение члены прижимаются друг к другу так сильно, как позволяют их тела.

— Бесстыдник, — бормочет он в пространство между ними, и в его глазах вспыхивает веселье.

Глаза Вэй Ина широко распахнуты, они сияют желанием и отчаянной потребностью.

— Мы одни, Лань Чжань. Ах, если бы наши тела были так же сильны, как наше желание, — бормочет он, прежде чем крепче прижаться бёдрами и лизнуть рот Лань Ванцзи.

Он целует ад, жгучий, всепоглощающий и требовательный — Лань Ванцзи чувствует, как дрожит от желания, пальцы впиваются в ягодицу Вэй Ина, в его затылок, запутываются в его волосах, и он чуть шевелится, провоцируя трепетную дрожь в теле возлюбленного. Всё поглощено потребностью и вожделением, и его тело гудит от этого.

Но как бы сильно они ни хотели познать, наконец, друг друга, их тела уже перенапряжены, они дрожат от изнеможения, и оба заклинателя тяжело дышат между каждым поцелуем, но упрямо возвращаются назад, чтобы завладеть губами, едва оторвавшись от них.

Они оба так близки, а их Слияние притягивает их друг к другу ещё ближе, сильнее стягивает вместе эмоции, ещё больше сплетает энергии вместе.

Скоро они окажутся так тесно слиты друг с другом, что никто не сможет различить их края.

Но нет, не сейчас. Душа, может быть, и хочет, но плоть ещё слаба, и они оба изливаются дрожащими, задыхающимися толчками – их губы так близко, что они делят дыхание.

— Вэй Ин.

— Лань Чжань.

Лань Ванцзи улыбается, приподнимая губы в лёгком изумлении, и притягивает Вэй Усяня к себе на плечо:

— Отдохни.

— Эй, Лань Чжань, теперь нас связывает нить из чистой энергии? Её видно.

Лань Ванцзи чувствует, как Вэй Усянь проводит любопытными пальцами... по чему-то, и он ахает, звук повторяет его вторая половина.

— Нить? — Ему удаётся выбраться, стиснув зубы от нахлынувшей на него боли чувств, эмоций и силы.

Вэй Усянь выпрямляется, увлекая за собой Лань Ванцзи. Он сидит, развалившись на его коленях, его бедра обхватывают всё ещё слишком тонкую талию Ванцзи, и он указывает на нить из чистой иссиня-чёрной энергии, вьющуюся между ними.

— Это...? — Вэй Усянь вздрагивает, не совсем понимая, что собирается сказать. — Слияние? — заканчивает он через мгновение. — Или Связь?

Лань Ванцзи долго смотрит на нить, прежде чем неуверенно пожать плечами.

— Вероятно, и то, и другое. Это плохо изученная тема. — Он делает паузу, обдумывая

возможности. — Мой дядя может знать больше.

— Ах, да, идеальный человек, чтобы спросить обо всём, что касается меня, — тянет Вэй Усянь, зевая и покачиваясь.

С мягкой улыбкой Лань Ванцзи вытягивается на простынях, осторожно дёргая возлюбленного на себя:

— Сначала поспи, Вэй Ин.

Все, что Вэй Усянь отвечает ему, тонет в ещё одном сокрушительном зевке, и, поддаваясь усталости, он снова ложится на Лань Ванцзи и утыкается макушкой ему в подбородок.

— Эй, Лань Чжань. Увидимся завтра.

Гул удовлетворённого веселья и радости наполняет грудь Лань Ванцзи, как раз там, где Вэй Усянь прижимается ухом.

— Увидимся завтра, Вэй Ин.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда трое заклинателей, соблюдая максимум осторожности, вернулись в Комнату Исцеляющего Лотоса.

Энергетический поток утих, больше не насыщая воздух, и Вэй Усянь неприлично растянулся на Лань Ванцзи, удерживаемый на месте всё ещё восстанавливающими былую силу руками, одна из которых обвилась вокруг его талии, а другая — запуталась в длинных растрёпанных волосах.

Вэнь Цин закатила глаза к потолку и вздохнула, а потом подняла лёгкое одеяло, которое Пара сбросила на пол, и набросила на них.

— Клянусь, как только они смогут остаться без постоянного медицинского наблюдения, я закрою их в любой комнате, которую им предоставит Чифэн-цзунь, и запрещу появляться здесь! — проворчала она.

Цзян Чэн с кислым лицом зажжёт несколько ароматических палочек и положил их на видном месте рядом с Парой.

— Пожалуйста, пусть этот день наступит поскорее, — буркнул он, пристально глядя на

спящего брата. — Завтра, на самом деле, было бы идеально.

— Если они продолжат продвигаться вперёд такими темпами, они уйдут отсюда через день или два, самое позднее через три. — Окончательная оценка Вэнь Цин немного подняла настроение Цзян Чэну, и он, улыбаясь, скрылся за дальней ширмой, чтобы переодеться в спальный халат. — Скоро нам придётся решить, что мы все будем делать. Когда у нас не останется причин быть в одном месте, нас тут же настигнут обязанности, которым придётся уделить внимание.

Лань Сичэнь со вздохом убрал свою ранее брошенную флейту.

— Да. И у меня, и у А-Чэна есть Ордены, к которым нужно вернуться. — Он посмотрел на Вэнь Цин: — И хотя твой статус и статус твоего брата теперь защищены самим Чифэн-цзунем, вы всё равно должны быть осторожны в своих передвижениях. — В его словах чувствовалась скрытая нервозность, как будто он слишком долго избегал именно этого направления мыслей, а теперь они сразу же захлестнули его, рисуя возможные последствия. — Я планирую поговорить с моим дядей об Ордене Гусу Лань, а также о вас двоих, но многое ещё неясно.

Вэнь Цин кивнула и, нахмурившись, взглянула на Цзян Чэна, который доблестно пытался не выглядеть так, будто у него из-под носа выхватили его первый и самый любимый лук.

— Это ещё не конец, ты должен это понимать, Ваньинь, — тихо сказала она.

— Но такое ощущение, что так оно и есть, — упрямо проворчал тот и, скрестив руки на груди, плюхнулся на кровать. — Я не... это всё так ново, и как только я начал во всём разбираться, всё заканчивается. — Он откинулся на спину и уставился в потолок, якобы потому, что готовился ко сну, но в основном потому, что так ему не приходилось смотреть, ни в одну из двух пар нацеленных на него глаз. — Мы оба главы Орден, и хотя у тебя больше свободы, Сичэнь, ты всё равно должен быть осторожен.

Лань Сичэнь насмешливо хмыкнул:

— Думаю, А-Чэн забыл, что ухаживания традиционно не начинаются с того, что все стороны живут в одной комнате месяцами, и что письма, сообщения и краткосрочные визиты гораздо более распространены, — поддразнил он весёлым голосом, подтрунивая над раскрасневшимся Цзян Чэном, его глаза блестели от восторга.

Было забавно наблюдать, как его щёки вспыхивают от гнева, а возмущение, смущение и влечение смешиваются воедино.

— Откуда мне знать. Из примеров, что у меня были... Моя сестра, чья помолвка состояла из неловких перепалок и писем, на которые никто не отвечал, и мой брат, который нашёл свою родственную душу, а затем почти сжёг мир дотла вместе с этой самой родственной душой! — Цзян Чэн возмущённо фыркнул и драматично указал на упомянутого брата, который тихо посапывал в шею Лань Ванцзи.

Вэнь Цин спрятала свои смешки за рукавами.

— Я не думаю, что Вэй Усянь и Лань Ванцзи являются выдающимся примером чего-либо для кого-либо, — прокомментировала она между хихиканьями. — Нет, если только это не пример того, как не быть идиотом. — Её полные смеха глаза нашли возмущённые глаза Цзян Чэна. — Не волнуйся так сильно, Ваньинь. У нас есть время, даже больше, чем я думала. Мы можем выяснить, что делать с нашими чувствами шаг за шагом.

Целительница протянула руку и схватила Лань Сичэня за запястье, потянула его вперёд, к Цзян Чэну, а, оказавшись рядом с кроватью, протянула руку и ему, замирая в ожидании.

Лань Сичэнь мягко улыбнулся ей, прежде чем также протянуть руку Цзян Чэну:

— Один шаг за раз. У нас есть достаточно времени и перед нами открыт весь мир. Нет причин бросаться во что-то сломя голову, А-Чэн.

Хотя нервы Цзян Чэна всё ещё звенели на пределе, а его глаза были широко открыты и полны неуверенности, но он, по крайней мере, понимал, где находится здесь и сейчас — в мягкой, освещённой свечами комнате, в которой они прожили уже несколько месяцев. В Комнате Исцеляющего Лотоса он был на равных с этими двумя людьми, он вступал в словесное противостояние с Вэнь Цин и обсуждал политику Орденос с Лань Сичэнем, наслаждался тихой мудростью величайшей целительницы своего поколения и ловил себя на том, что улыбается искристому источнику юмора, скрытому за воспитанием Ордена Лань. Здесь он был Цзян Ваньинем — Цзян Чэном, которого ценили за его мысли и слова.

Не из-за стандарта, которому он никогда не соответствовал в глазах своей матери.

Не из-за бледного подражания своему брату, которое засело в памяти отца.

Не для того уровня, который он сам себе установил и которому постоянно не соответствовал всю свою жизнь.

Он протянул руки и позволил поднять себя на ноги, руки крепко держали друг друга, пальцы крепко сжимали ладони.

Что-то, чего он и представить себе не мог. Мечта, преследовавшая его долгими ночами, когда он был не в силах заснуть — о невозможном, о будущем, которое никогда не наступит.

Вот чем это было для него. Теперь... Теперь это то, что он мог крепко держать в своих руках.

Он чувствовал, как Лань Сичэнь сжимает его ладони так, что он может соединить их пальцы и сжать его руку ещё крепче, и он восхищался силой этих пальцев, их элегантностью. Они красивы всегда: и когда он пишет, и когда играет на сяо. Он поражался их нежности, когда они

разглаживали волосы его младшего брата, и когда они разбирали локоны Вэнь Цин, и когда он осторожно смягчал слишком напряжённый захват кисти Цзян Чэном при особенно раздражающем докладе. Он восхищался силой этого мягкого, миролюбивого человека, который спокойно и бесповоротно сделал себя важной частью его — их — жизни. Он всегда оказывался неофициальным арбитром в спорах между Цзян Чэном и Вэнь Цин, непоколебимой опорой силы и веры в те дни, когда Цзян Чэн боялся, что они потерпят неудачу, и центром спокойствия, которого так ему не хватало — больше лет, чем он мог вспомнить.

С другой стороны... Он провёл большим пальцем по руке Вэнь Цин, чувствуя слабые очертания ожогов, которые всё ещё портили её кожу; теперь, однако, вместо того, чтобы чувствовать нарастающее чувство ужаса и страха, что она будет вечно страдать от этих напоминаний, он почувствовал странную гордость — эта сильная, могущественная целительница, которая бросила вызов всем невыносимым трудностям, стоящим перед ней, выбрала его — их — всех троих. Этот блестяще острый язык смягчился за долгие недели, её бормотание раздраженного разочарования становилось всё менее серьёзным, пока не превратилось в обычные слова, сказанные для того, чтобы придать смысл ситуации. Она начала читать им лекции, открывая для них многие основы, которым учатся целители, просто потому, что они попросили. Она была непоколебимой силой, с которой связал себя Цзян Чэн.

И хотя Цзян Чэн задавался вопросом, что же он может привнести в эти... отношения, и страдал от того, что оба партнёра ругали его за неуверенность в себе, он был твёрдо убеждён, что они оба что-то в нём нашли, и он здесь нужен.

В тихой тишине все трое стояли, прижавшись плечом к плечу, дыша в разделявшее их пространство, позволяя настоящему быть достаточным на данный момент, а будущему устроиться самому...

Они заснули в комнате, наполненной мирной тишиной и пониманием, которого у них раньше не было.

<http://bllate.org/book/13203/1177369>